

Мне иногда кажется, что нашими с ним судьбами, уже полвека переплетающимися, распоряжается какая-то сила. Начать с того, что мы родились в один день, с разницей в год. Я появился на свет в байкальском селе Шерашово, а он – в казачьей станице Большая Кудара, под боком у Кяхты, которую наши прадеды называли чайной столицей империи. Но отцу будущего прозаика, учителю литературы, засиживаться на одном месте не давали, и семья в конце концов оказалась на родном для меня восточном берегу Байкала, в живописном Баргузине, давшем название знаменитому ветру и попавшем в легендарную песню.

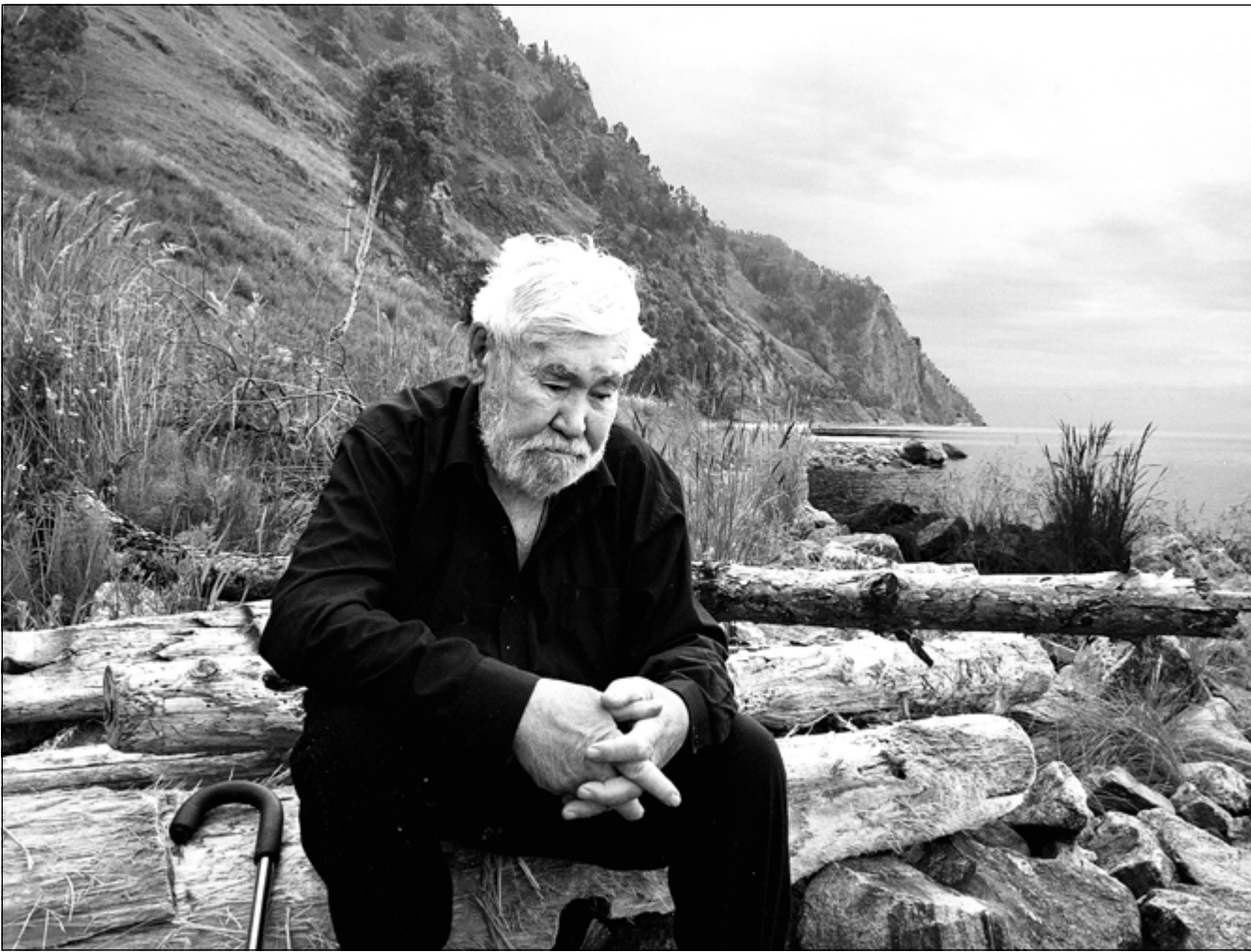

Андрей
румянцев

Река жизни

О творчестве Кима Балкова

об омуле на рожне и даже об осетровой ухе. Ким, как и Александр Вампилов, мог бы сидеть на одной студенческой скамье с Валентином Распутиным, но в общий для них год поступления – 1954-й – удача улыбнулась только паренюку из Аталанки. Сана провалился на немецком, а Ким даже не решился сдавать экзамены. В школе он не изучал иностранный язык, и стать студентом ему не светило. Пришлось, походив по университетским коридорам, вернуться в свою глухомань и два года отработать в леспромхозе сучкорубом. В прибрежной, почти северной тайге это занятие не для слабых. Морозы под сорок, снег по пояс, топор полупудовый, а толстые ветви, особенно лиственничные, как железо против железа. Трудней, однако, плотно сбитому парню далась не рабочая наука, а чужеземный язык.

И всё же в 1956 году он выдержал университетский конкурс. Мой земляк оказался поэтом. Порывистый и сильный, двигавшийся как прирождённый боксёр (а он и был им), Ким становился мягким и нежным, когда читал стихи. Вместе пошли мы в студенческое литературное объединение, которым руководил душевный наставник, тогда уже известный критик Василий Прокопьевич Трушкин.

Позже Ким Николаевич изменил нашему общему поэтическому жанру. Когда после университета мы вернулись в Бурятию, он стал писать прозу. Первый рассказ его появился в печати в 1966 году, а следом и повести – «Рейса не будет» и «На пятачке». Уже в 1971 году молодого автора приняли в Союз писателей.

Всероссийскую известность Киму Балкову принесли повести «Росстань» и «Мост», романы «Его родовое имя» и «Рубеж», пронзительная книга рассказов «Небо моего детства». Писатель привёл с собою необычного для того времени героя. Он вроде бы твёрдо идёт по жизни, а оступается, многое имеет, а страдает, не украл и не обманул, а совесть болит. О шукшинских героях говорили: «чудики». У Балкова они другие, но тоже из жизни выхваченные, с непостоянствами, своеобразными характерами.

Вот, например, рассказ о деревенском фронтовике Евсее. Таких людей прозаик, сын фронтовика, хорошо знал. Этот Евсей, отпахав свою войну, вернулся домой с надеждой, что теперь-то его, победителя, ждут достаток, работа по душе и жизнь без окрика. А в бабьей голодной и обносившейся деревне его опять ждали тягловая повинность и нищета. И бросился Евсей в бега искать по свету райские кушчи. Заглянет раз в год домой, посмотрит на свою бедную Гланю и опять в дорогу. А избёнка после его побывок всё полнитися и полнитися оголцами. И когда «настрогал» Евсей пятерых, пришлось ему покаяться: всё, набегался, остаюсь дома! Но как-то в степи он упал на землю и стал заворожено слушать гул дальнего поезда, бормоча: «Идут поезда, идут... А меня в тех поездах нету!...». И опять кинулся мужик на станцию, вскопил в проходящих. Видели, как плакал фронтовик, – конечно, не только от житейской неустойчивости, но и от душевной потерянности, от несбывшихся надежд...

Какая это литература? Да та самая, что подарила нам распутинские «Последний срок» и «Прощание с Матёрой», шукшинские рассказы из сборника «До третьих петухов», беловское «Привычное дело»... В произведениях Кима Балкова главным было стремление автора не отступать от правды, подталкивать читателя к пониманию сложности жизни. На страницах его романов, повестей и рассказов шла неутихающая, подспудная и явная борьба добра и зла, охранителей и разрушителей вековых народных традиций, нравственных основ. И что бы мы ни говорили о подцензурных временах, а идеологическим надсмотрщикам приходилось считаться с подлинными талантами.

Упомянутые произведения Кима Балкова печатались крупнейшей издательством страны «Советская Россия», «Современники» и «Советский писатель», его прозу широко публиковали столичные и сибирские журналы. Писателю была присуждена Государственная премия Бурятии, дважды – премия журнала «Смена». О творчестве сибиряка размышляли известные критики Андрей Турков, Юрий Лукин, Лилия Полухина, Владимир Шапошников, Василий Найдков, писатели Исай Калашников и Борис Костюкович.

В конце восьмидесятых мы с Кимом Николаевичем переехали в город наших юности Иркутск. Здесь он словно обрёл второе дыхание. А главное – его осмысление жизни, художественное письмо получают глубокое, законченные черты. Первый же иркутский роман «Идущие во тьму», посвящённый гражданской войне в Сибири, показал новые возможности автора в постижении самых потаённых чувств и переживаний героев. Русские люди, вовлечённые в братоубийственную войну, впадают от жестокой ярости, то в поздние расканины, их охватывает то ужас от содеянного, то безразличие к чужой боли. Писатель мастерски рисует мотивы противоречивых и непонятных поступков своих героев, часто углубляясь в подзатыльное и трудно объяснимое.

Наверно, кровотокающая тема нашей недавней истории не давала покоя прозаику. Через несколько лет он вернулся к ней в романе «От руки брата своего». Если в «Идущих во тьму» речь шла о начале разгрома белого движения в Сибири, то в новом повествовании писатель проследил эту трагедию до конца. Фигуру обречённого на гибель генерала Каппеля из первого романа сменил здесь атаман Семёнов, казнённый уже после Отечественной войны. Новизна всей эпопеи прозаика была в том, что автор не брал на себя роль судьи, определявшего правых и виноватых. Целью его было с предельной правдой, с наибольшей художественной выразительностью воссоздать картину происходившего, дать возможность нам самим поразмышлять и оценить человеческую трагедию.

Заметным явлением в российской литературе стал следующий роман Кима Балкова – «Будда». Как известно, жизнь и деяния основателя одной из древнейших религий, реального исторического лица, почти не освещены в художественной прозе. Нужна была большая творческая смелость, чтобы, с

одной стороны, создать не обожествлённый, застывший, а живой образ Будды, сына арийского царя, и, с другой стороны, передать во всей сложности его философии и нравственные искания. Тут потребовалась особая стилистика.

Повествование прозаика раздумчивое, неторопливое, по-восточному живописное и образное. Читая роман, я всё время держал в уме, что дед писателя был известным в Бурятии народным сказителем-улигершином, а отец – знатоком словесности и просветителем в наших краях. Есть какая-то заветная струна, звучащая в книгах писателя. Словно бы родные голоса подсказывают ему точные, мудрые слова: «Не теплом тела, но теплом души жив человек», «Истина есть пожар, и не горит в нём душу имеющий», «Недолго век царства, основанного противно человеку, в унижение существу».

Сегодня, по многим примерам, современная русская литература не в силах обрезать пуповину исторического происхождения смыслов. XX век раз за разом оказывается тем вместилищем ужаса, где современные прозаики находят почву для работы. Почему дело во многом обстоит именно так? А потому, что в российском XXI веке ничего не происходит. Прекрасного – ничего. Из ужасного вспомнить ничего не стану: не принято это. В основном реальный ужас разложения нормальной социальности описывают молодые – как умеют, многие описывают хорошо. Но они пока ещё не пишут больших романов. Или материал для больших романов ещё не вызрел, не образовался, не проявился. Возможно, в XXI веке он не проявится никогда: для романа в качестве героя нужна личность, трудно и бессмысленно писать об индивиде, ещё трудней и ещё бессмысленно писать о том двуомном объекте банковского менеджмента, которого чем далее, тем больше подразумевают под словом «индивид».

Поэтому – трагический век Двадцатый. Конечно, Война, конечно, Революция. Конечно, ад на земле, в который вверг земля империализм как последняя (оказалась – предпоследняя) стадия восхождения царя Мамона на глобальный трон.

В этой глубокомысленной и далеко уводящей связи совсем не случаен выбор автором романа «На крессах восточных» места события: пограничье между Империей (последней христианской империей) и постхристианской Европой. Река Неман. Белорусские пуцци. Линия разлома цивилизационных плит. Белорусский народ.

Незадолго до событий 2013-2014 гг. на Украине Михаил Попов обратился к русскому миру романом «Москаль», посвящённым, за рамками внешней его остротности, проблеме Украины, особенностям украинского самосознания, взаимоотношениям великороссского характера с малоросским. И уже через пару лет по выходу «Москаля» вдруг выяснилось, что книга эта актуальна. Скорее всего, на фоне затянутающегося пленения Украины антимоскальми, книга Попова недостаточна. Но это теперь. Тогда, году в 2010-2012, она была, во всяком случае, своевременна.

Вот и к новому роману Попова, к его «На крессах восточных», приходится возвращаться – на пару лет назад – когда наблюдаешь трудные итоги президентских выборов и попытку смены власти в Белоруссии.

Интерес Попова к западным окраинам России («восточные кресы» – это восточные окраины бывшей Речи Посполитой) вновь оказался своевременным. И правда, мы здесь, в России, слишком мало знали и слишком мало интересовались историей и самочувствием украинцев и белорусов. Поэтому диванно недоумевая, что с восточных кресов одна и та же общерусская история и проблематика выглядит, воспринимается и дышит совсем не так, как об этом говорилось в позднесоветских фильмах и учебниках. Аналитический и художественный интерес романиста вновь оказался актуальным, поскольку жизненность геополитических (исторических) амбиций современной России зависит от восточно-европейской истории как ни от какой иной. Если мы не будем в Киеве и Бресте, мы по-настоящему не будем нигде. В этом главный и единственный смысл действий антимоскалей в Белоруссии. Понятно, что антимоскаль – не русские (не украинские, не белорусские). Они – с той, западной стороны Немана и Днестра.

История белорусского народа – это тёмная летописная, «внеисторическая история» дреговичей и частично кривичей тысячу двести лет назад. После тысячи лет назад – история выделенного Ярославом Мудрым из состава своей державы Полоцкого княжества-удела. Далее, от рубежа XIII-XIV веков, – история княжества Литовского, соединённого королевства Польши и Литвы, далее – история под властью иноверной и, по сути, инородной Речи Посполитой. Имя «литвин» в применении к белорусским славянам явилось раньше, чем имя «белорус».

Территория Белоруссии – это лес, болото и сулгиник, это земля, где можно жить, но очень трудно разбогатеть. Торговые пути обошли эти пуцци стороной, торговые и ремесленные города заняли литовские, русские, польские, еврейские пришельцы. Нет ничего удивительного в том, что в силу серьёзнейших экономических обстоятельств культура и самосознание белорусского народа (хоть и мало затронутого Ордой) развивались с отставанием. Но кроме того ведь были и причины полити-

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности первой страницы обложки. Романтично смотрятся на ней и старинная ложечка, и письменный набор – чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете – крошка леса. Между ними горящая свеча, огонёк которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься, почему честная? Вроде понятно, о чём: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Книгу переворачиваю и вижу на обратной странице обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области, в 1946-м послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начиная рабочим, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других выплился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот – новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках изложена целая жизнь писателя, а что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчёт своего становления и многих одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей Эдуард Константинович ведёт с Читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Ненавязчиво, бережно и аккуратно Эдуард Константинович ведёт нить повествования от первой встречи с Распутиным до его последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей – как известных до семинара, так и получивших надёжную поддержку и путёвку в жизнь тогда, более полвека назад. «Надо принимать во внимание то, что значит для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», – пишет Анашкин.

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не переставал «пристально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машина... «Как читатель-читинец и как зем-

Своевременный

О романе Михаила Попова

ческие, имя которым – Польша, католичество. Не думаю, что окажется преувеличением сказать, что для вельможного панства, для высокомерного католичества лесная Чёрная Русь (такое истинное историческое территориальное наименование Беларуси) была тем же, чем лесная мордва для киевских и ростовских князей, и позже для московских бояр.

Неудивительно поэтому, что в Литве возникшая, но угасающая, полонизирующаяся или бегущая от дискриминации в Москву после церковной унии 1596 года, народная интеллигенция как явление всебелорусского масштаба появляется вновь только к концу XIX – началу XX века. Является из учебных заведений Российской Империи, является из Петербурга, чтобы говорить от имени рядового белоруса.

Один из главных героев романа – такой новый интеллигент Николай Адамович Норкевич. Вот как пишет Попов о задачах и обстоятельствах, которые тот видел и чувствовал: «Нужно было независимой мыслью, как лобзиком, выпилить из многослойного массива всей изученной надземной культуры очертания отдельного белорусского этнокультурного своеобразия. Ещё прежде него многие умы к тому обращались, даже придумали, как уйти от назойливо им вменяемой «мужичкоости», объявили свету, что имеется в виду литвинство».

Места эти были столь плотно пропитаны разными историческими соками, кровью и потом, песнями и фантазиями, всё время перемешивавшимися в последнюю тысячу лет, что задача Николая Адамовича выделась титанической. Поверх языческого Великого княжества литовского налегло прихотливо сшитое одеяло католическо-православных маанств Речи Посполитой, перебалачуненное сапогами ратей Стефана Батория, Радзивиллов, Сапег, Карла XII, Петра Великого, наполеоновских маршалов... Вплоть до последнего «делателя страшных дел» – Муравьёва».

Нет, не последнего. Сюжет романа «стартует» в 1908-м, у подножия Далибукской Пуцци, в затерянном в пространстве и времени белорусском уголке Империи, где селения и хутора, где до города – даль, а православная церквушка прячется – до сих пор! – в тени шляхетского костёла. Есть совпадение и связь между нежеланием Империи последовательно поддерживать православных (значит, русских) против организованных, развитых и нетерпимых католиков (значит, по факту или по духу – поляков) и тем, что единственный на всю округу русский граф – человек здесь случайный, бездеятельный. Граф Турчианов имеет в жизни одну страсть – оранжерею. И оранжерея, наполненная дикивинными растениями из далёких и чуждых стран, становится здесь метафорой имперской дворянской культуры вообще. Культуры достаточно высокой для того, чтобы безнадежно оторваться от живой окружающей национальной почвы. Достаточно чуждой, чтобы подвергнуться нападению. Достаточно хрупкой, чтобы погибнуть без следа...

На своей крошечной территории Империя в критический момент оказалась неспособна слаба. Есть что-то очень печальное и даже унизительное для нас в том, что своего императора Россия сдала в местах знаковых: где-то меж Могилёвом и Псковом, на станции... Дно.

Могло ли случиться что-то ещё в конце третьего года тяжелейшей войны, если за немного лет до того белорусский деятель Норкевич, «являясь бывшим студентом столичного российского университета, вернувшись домой... обнаружил, что в тех образованных кругах, где ему неизбежно теперь придётся вращаться, царит хоть и необъявленное, но полное почтение властью...», что многие царские чиновники считали правильным быть в хороших отношениях с польским обществом и по возможности ему не перечить?

Польская политика в Белоруссии была принципиально иной: явственно отдавая расизмом, она всегда была (и если что – будет) настырной и злобной. Не имея полной государственности, поляки научились – пишет Попов: «сияя под тёплой полкой царской шинели, культивировать мастерство политических укр и предательств».

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и ещё много о чём. Сбор материала соблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают узнать, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, о трагических событиях в его жизни. Всё это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохране-

Наша с Распутиным хорошие отношения, собственные, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полвека назад», – считает Анашкин.

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирав газетные и журнальные статьи, берегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году, в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная».

Любовь Московенко о добром – честно

По прочтении новой книги Эдуарда Анашкина

Любовь Московенко (слева) и Эдуард Анашкин

Читы – подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к одной из книг, «Запрыгу судьбу я в санки», написал предисловие под названием «На добро – добром». «Наши с Распутиным хорошие отношения, собственные, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полвека назад», – считает Анашкин.

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирав газетные и журнальные статьи, берегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году, в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная».

ние памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнесшим в литературу своё видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутьё на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор «Честной книги» об их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему собрату по творчеству – Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н.Иванов».

Ещё одна особенность – географическая широта охвата. Среди тех, кто привлёк внимание Анашкина-читателя, представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают сре-